

Реквием по домашней библиотеке

Habent sua fata libelli – “У книг своя судьба”.
Древнеримский грамматик Теренциан Мавр

Еще во времена Римской империи каждый уважающий себя патриций считал делом чести иметь роскошную домашнюю библиотеку, хотя тогда не каждый владел элементарной грамотой. Домашняя библиотека как показатель финансового уровня ее владельца сохранила свое значение по настоящее время, нечто вроде часов “Ролекс”. Предельным и потому наиболее уродливым выражением этой тенденции служит пополнение квартиры книгами под тон обоев. Но домашняя библиотека в жизни людей играет и куда более благородную роль. Вот об этом и хочется поговорить.

Для многих владельцев, будем надеяться, домашняя библиотека — источник интеллектуального питания: получения знаний, воспитания вкуса и формирования критического разума. В полной мере всеми этими качествами обладает такая, которая создавалась в течение длительного времени и стала результатом деятельности ума и сердца нескольких поколений семьи. В этом случае домашняя библиотека может многое рассказать о ее владельцах.

Домашняя библиотека нашей семьи — это отражение умственной и душевной работы пяти поколений ее членов: купца, врачей, психолога, химика, инженера-механика, инженера-металлурга и математика, людей молодых и пожилых, верующих и атеистов, но живших в одной и той же квартире, — птенцов, вылетевших из одного гнезда.

В 1940 году я, второклассник одной из одесских школ, познакомился и подружился со своей соученицей и ровесницей по имени Лиля. Бывая у нее в гостях, я не мог не обратить внимания на обилие там книг. Четыре шкафа и четырехсторонняя вертящаяся этажерка в кабинете ее отца, известного в городе врача М.С. Беленького; по одному шкафу в родительской спальне и в холле; книжные полки в детской и бабушкиной комнате; наконец, книги на письменных столах, прикроватных тумбочках и на столике у дивана. В те далекие времена завораживающее впечатление на меня производил трехсекционный шкаф в кабинете. На его полках стояли многотомные энциклопедии, справочники и словари в массивных обложках с золотым тиснением. Лидирующее положение среди них занимали 86 томов энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона, 16 томов Еврей-

ской энциклопедии того же издательства, все опубликованные до войны тома Большой советской энциклопедии и, наконец, многотомные издания медицинской справочной литературы.

Во время войны с фашисткой Германией наша дружба с Лилей прервалась эвакуацией, но восстановилась вскоре после окончания войны. И тогда-то я узнал, что в семье к словарию Брокгауза и Эфрона отношение особое, можно сказать, "родственное". Дело в том, что ее троюродный дед по линии отца, известный ученый-экономист, сподвижник царского министра графа С.Ю. Витте Борис Филиппович Брандт ведал в словаре вопросами экономики. Там же о нем есть статья как о крупном специалисте. Кроме того, в одном из последних томов приведена его фотография в числе активных и постоянных сотрудников редакции.

До войны по молодости лет я не мог, конечно, судить о "взрослых" книгах. А вот о детских... Это другое дело. Лиля была окружена обилием детских изданий с отличными иллюстрациями. Ее проявившаяся еще в раннем детстве ненасытная любовь к книгам поражала и взрослых, и детей. С годами эта любовь переросла в страсть и, если угодно, стала средой ее обитания. Можно сказать и так: Лиля — генетический библиофил, и в этом отношении — достойный продолжатель семейных традиций. В ее памяти бережно хранились и хранятся воспоминания о детских книгах еще дореволюционной поры из серий "Серебряная библиотека" и "Золотая библиотека", и советских изданий: Чуковского, Маршака, Барто, Гайдара и других авторов. Трудно передать словами, как восторгалась она такими, например, произведениями, как "Маленький лорд Фаунтлерой", "Маленький миллионер" "Тимур и его команда". Дореволюционные детские книги — это наследство ее матери, а послереволюционные — это уже результат материнской заботы.

В 1955 году мы с Лилей поженились, и оба уже как взрослые члены семьи включились в благородную работу по пополнению домашней библиотеки. Это было весьма заметно, поскольку мы представляли новые для семьи специальности: она — химик, я — металлург.

Истоки семьи берут свое начало во второй половине XIX века. Отсюда понятен такой раздел домашней библиотеки, как иудаика. Создавался этот раздел благодаря усилиям предыдущих поколений — дедушек и прадедушек. В него входили Еврейская энциклопедия и множество книг еврейских историков, писателей, журналистов и религиозных мыслителей конца XIX — начала XX веков, а также сохранившийся после фашистской оккупации Свиток Эстер.

О существовании свитка жена знала давно, из рассказов ее бабушки. Я же был посвящен в историю свитка отцом жены. К свитку, несмотря на его иудаистское содержание, отношение в семье было не религиозное, а скорее историко-культурологическое и вместе с тем несколько мистическое.

В годы оккупации Одессы фашистами свиток оставался на своем привычном месте — за книжным завалом в одном из многочисленных книжных шкафов кабинета доктора. И свиток благополучно пережил это страшное время! Семья моей будущей жены жила тогда в эвакуации, а их квартиру занимали люди, даже не подозревавшие о существовании свитка. Чтобы подчеркнуть необычность и некоторую фантастичность этой истории, надо сказать, что все книги по иудаике из домашней библиотеки исчезли в годы оккупации. Пропала Еврейская энциклопедия, сочинения классиков еврейской литературы, труды еврейских историков и философов. Можно предположить, что к этому приложили руки люди, жившие в квартире в эти страшные годы. Кто их осудит? Еврейские книги, если бы их обнаружили оккупанты, могли стать для жильцов смертельным приговором.

С тех пор прошло много лет, и как-то в разговоре незадолго до смерти тесть сказал мне:

— Свиток этот находится в нашей семье очень давно. Он переходил от одного поколения семьи к другому. И всегда хранился у самого старшего. А после того, что он пережил фашизм, свиток приобрел, если угодно, мистический смысл, он стал семейным талисманом. Вот когда я умру, свиток перейдет к тебе и к моей дочери, а после вашей смерти — к моему внуку, а потом к его сыну, а затем — и к следующим поколениям. Так должно быть всегда. Обещай мне, что ты мою волю учтешь.

Я казал: "Несомненно", — но постарался уйти от этой темы как можно быстрее. Я всегда ненавидел упоминание о смерти в разговорах с пожилыми людьми. И сейчас, когда сам свалился в старость, вижу, что был прав...

Свиток, свернутый в рулон, представляет собой пергамент с рукописным текстом, написанным черными чернилами на древнееврейском языке. Находится он в свинцовом футляре, от которого утеряна крышка. Ее я смастерил из обтянутого дерматином картона.

После смерти родителей жены мы поняли, что почти ничего не знаем о свитке. К счастью, тогда был еще жив крупный историк и большой друг нашей семьи — специалист по еврейской истории профессор Саул Яковлевич Боровой. К нему-то жена и обратилась за разъяснением. Так мы узнали, что наш свиток — это Книга Эстер, что такие рукописные свитки были обязательным атрибутом более или менее состоятельных еврейских

домов, и что по ряду признаков изготовление нашего экземпляра относится к середине XIX века.

Когда мы с женой решили эмигрировать в США, в страну, где тогда уже жил со своей семьей наш сын, перед нами стал вопрос, как осуществить волю отца жены по поводу Свитка Эстер. Ответ очевиден. Только взяв свиток с собой. Как очевидно и другое: это нереально. Решения проблемы мы не находили...

Упомянутое выше исчезновение книг по иудаике — это не единственное тяжелое событие в истории нашей домашней библиотеки. Были и другие, напрямую связанные с тоталитарными настроениями в обществе. Касались они книг, чьи авторы были причислены правящим режимом к "идеологически чуждым и вредным элементам". Еще до войны к ним отнесли Зигмунда Фрейда, психолога, психиатра, невролога, основателя психоаналитической школы. В те времена его книги могли стать для их владельцев не только причиной потери работы, но и поводом к длительному тюремному заключению. И мама моей жены была вынуждена некоторые из них уничтожить, а оставшиеся глубоко запрятать. Интересно отметить, в те времена фрейдизм как научное направление вызывал большой интерес по всему миру, только в Советском Союзе и гитлеровской Германии жгли книги Фрейда. Фрейду принадлежат слова: "В Средние века сожгли бы меня, теперь жгут всего лишь мои книги".

А после войны в связи с "борьбой с космополитизмом" и другими гонениями на писателей, поэтов и других представителей интеллигенции из библиотеки частично исчезли книги Зощенко и Ахматовой. Более того, тогда-то пришлось уничтожить отпечатанную на машинке "Поэму без героя" с авторскими правками, что иначе как трагедией назвать нельзя.

Пора поговорить о других разделах нашей домашней библиотеки. Начнем с того, что каждый из них в обязательном порядке включал в себя набор соответствующих фундаментальных справочников и энциклопедий. В наше время разделы библиотеки обрели своих ведущих. Медицину, живопись и изобразительное искусство курировал отец моей жены, профессор медицины. Психиатрию, психологию и поэзию — мать жены, доцент-психолог. Химию — жена, преподаватель вуза; литейное дело, физику и математику — я, научный работник. Наконец, художественную литературу — все. С взрослением нашего сына возник еще один раздел — это математика и физика для одаренных детей. "Непроницаемой границы" между разделами библиотеки и членами семьи, "ведущими разделов", разумеется, не было.

К концу XX века наша библиотека заметно разрослась. Основную роль в этом отношении начали играть мы с женой: сперва ее родители отошли от дел, а затем покинули этот мир. Мы регулярно посещали книжные магазины и ярмарки, а я привозил книги практически из каждой командировки, в первую очередь — из Москвы, Ленинграда и Киева. Заметное пополнение связано также с ежегодными подписками на многие толстые литературные журналы и на журналы по профессиям членов семьи. Об общем количестве книг в нашей домашней библиотеке можно только сказать, что они размещались в двадцати трех книжных шкафах. Книг там было не считано.

В послевоенные годы среди интеллигенции в моде была погоня за собраниями сочинений классиков литературы и специальных серий, например, таких, как "Жизнь замечательных людей". Мы же "модными болезнями" не страдали. И приобретали только то, что ложилось нам на душу. Вот почему у нас были только дореволюционное собрание сочинений Пушкина и послевоенные — Паустовского и Эренбурга.

Заметную часть в нашей библиотеке занимали периодические издания, причем не столько специальные, сколько "толстые" литературные. В 80-90-х годах на книжных полках уютно расположились такие журналы, как "Новый мир", "Знамя", "Октябрь", "Нева", "Иностранная литература", "Юность" и даже "Даугава".

Так как наша домашняя библиотека имела долгую (еще дореволюционную) историю, то в ней были и редкие, антикварные книги, изданные на разных языках. В качестве примера назову некоторые. Сто басен на английском, французском и немецком языках с иллюстрациями ручной раскраски. Книга издана в Берлине, судя по ее бумаге, в конце XVIII — начале XIX века. На книге есть владетельская подпись 1842 года. Книги "Театр Коцебу", язык немецкий, шрифт готический, шесть томов, годы изданий 1801-1815. Книга "Прогулки художника по Рейну", язык французский, издана в Париже, иллюстрации Тернера и Стэнфилда. Книга "Чувственное путешествие Стерна во Францию" с посвящением Державину была опубликована в Москве в 1803 году. Из более поздних изданий можно назвать полные собрания сочинений Пушкина в 10 томах издательства Брокгауза и Эфрона (1911 г.), Лермонтова в одном томе издательства Ф. Павленкова (1910 г.) и Гоголя тоже в одном томе объемом 976 страниц издательства Товарищества М.О. Вольф. Все это были образцы полиграфического искусства, снабженные великолепными иллюстрациями и обширным справочным ап-

паратом. Думаю, что со мной согласятся многие: такие книги в руках — это прикосновение к святому...

Было еще одно обстоятельство, определяющее нашу душевную привязанность к домашней библиотеке. Речь идет о книгах, в которых рассказывается о нашей семье, о наших родных, и о книгах с авторскими дарственными надписями. Среди них были дарения не только коллег по профессиям, но и известных писателей, поэтов и художников. Называть их имена не буду: имен много, а кого-то позабыть — великий грех!

Вот один из последних по времени примеров. В трудный и очень нервный период подготовки к эмиграции нас навесил сын К. Паустовского Вадим. Он приехал в наш город для поиска материалов об одесском периоде жизни писателя. Нас же он расспрашивал о санатории доктора Якова Ушеровича Ландесмана. Дело в том, что отец Вадима с теплотой вспоминал о пребывании в этом санатории, а доктор Ландесман — Лилин родной дед. В 1992 году вышла книга писателя "Повесть о жизни" с послесловием Вадима. В нем он благодарит Лилю за предоставленные ему материалы о санатории. Ну, как же нам относиться к этой книге?!

Наконец, что такое для нас с женой книги, говорит еще и следующая, сугубо личная, почти интимная история. Когда мы подали документы в ЗАГС, я преподнес Лиле свадебный подарок. Это был художественный альбом "Дрезденская галерея"... Да, тогда были другие времена и другие нравы.

Пора вернуться в более позднее, пенсионное время. Приняв решение об эмиграции, мы столкнулись с проблемой, которая имела явно выраженный трагический оттенок. Суть ее заключалась в следующем. О вывозе из страны книг, изданных до войны, и речи быть не могло: это было запрещено таможенными правилами. Но и остальные перевезти ни физически, ни материально не было никакой возможности. Кроме того, книги нельзя бросать на произвол судьбы, они как дети, за ними нужен присмотр и уход. Для этого они должны попасть в "хорошие руки". А как поступить с книгами с авторскими посвящениями? Ведь бросить их на произвол судьбы или даже передать в третьи руки — это даже не плохой поступок, это проступок!

Вот почему расставание с библиотекой стало для нас с женой событием трагическим. Не буду его описывать, так как это слишком тяжелая нагрузка на душу. Ограничусь итогами. Около полутона книг были отправлены посылками и багажом на адрес сына, в Нью-Йорк. Большая же часть библиотеки (ее перевозили на двух грузовиках) была подарена

Одесской еврейской городской библиотеке, а меньшая — библиотеке Дома актеров. Вот текст письма, которое направил нам тогдашний руководитель Одесской религиозной общины раввин Ишяя Гиссер:

"Еврейская община города Одессы выражает глубокую благодарность Лидии Моисеевне Беленькой и Владимиру Семеновичу Серебро в связи с передачей книг, принадлежащих Вашей семье, в дар Еврейской городской библиотеке, за содействие в восстановлении Музея еврейской культуры г. Одессы".

Библиотека — концентрированная память людей, домашняя библиотека — концентрированная память семьи. Если вспомнить, что память — важнейшая составляющая совести, и что "без памяти совесть мертва" (Д. Гранин), то становится ясно: нравственную роль домашних библиотек трудно переоценить. И еще: человека к призванию подталкивают родители, учителя, окружение и домашняя библиотека.

Поделюсь жизненным опытом, приобретенным в эмиграции: души читающих людей черствеют и стареют медленнее.

Нью-Йорк

